

Философия и обыватель: пароксизм противоречий

We don't need no education
We don't need no thought control
No dark sarcasm in the classroom
Teacher leave them kids alone
Hey! Teacher! Leave them kids alone!
All in all it's just another brick in the wall.

Pink Floyd. The Wall.

Топология обывательской логики: исходный пункт А. Зачем нам нужна философия? Этот навязчивый ригоризм, казалось бы, смог бы стать судьбой всякого, чье сознание отягощено философским познанием, для кого философия стала призванием и профессией [2. С. 707 – 736] и кто, в силу упоминаемой М. Вебером «простой интеллектуальной честности» не смог ни зашить в подкладку пиджака свой диплом, подобно литературному герою Б. Нушича, ни проигнорировать обращенного к нему из аудитории далеких пока от наук неофитов вопроса.

Но для философа фраза – *зачем нам нужна философия* – не трюизм, а концепт, пусть и примитивный. Концепт, как таковой, есть выражение некоторой претензии *быть, становиться*. «Философский концепт не нуждается в компенсирующей референции к опыту, но сам, в силу своей творческой консистенции, создает событие, парящее над всяким опытом, как и всяким состоянием вещей» [5. С. 47]. Со-бытие, порожденное обсуждаемым примитивным концептом, создает локус смысла, где доминирует авторитарная интенция

обывателя, принуждающая философа к отрицанию собственного Я. Но для становления концепт нуждается в проблематизации, элементарной единицей которой является удвоение.

Обыватель прибегает к удвоению спонтанно, отсекая от себя Другого, он удваивает самого себя – в литературной форме образ передан в произведениях А. Грея [3]. Но обыватель сам-по-себе есть не концепт, а трюизм. Чтобы концепт – *зачем нам нужна философия* – стал, состоялся, пережил становление, обыватель должен совершить онтологический шаг – к *Другому*. Иного выхода, кроме нарушения границ привычной топологии, не существует.

Так, постулируя дискредитирующий основания Великой Науки тезис, обыватель впадает в фундаментальное противоречие с самим собой. Одержимый страстью, в пароксизме он заявляет антитезу – всякий человек *философ*. Ни одна другая профессия, ни одна другая наука не используется как абсолютная референциальная структура в качестве универсального индекса Я. В ответ на ответ о профессиональной принадлежности, закономерность и правило, услышать – *я тоже философ*. Редкому медику, или инженеру, находясь не в кругу профессионалов, повезло выслушать подобное.

Философия для обывателя есть предмет лстящего соблазна. Но она не тождественна Женскому, соблазняющему через удвоение и перманентное ускользание [1]. Субстанциально направленная на смысл, философия, даже в качестве индекса, произвольного знака, приписываемого несуществующему отношению, исторгает на свет сущность обывателя, его простую каннибалистическую натуру.

Вопрос – *зачем нам нужна философия* – предрешен его антитезой, отсекающей обывателя от мира: *я тоже философ*. Именно потому обывателю и не нужна философия: она у него уже есть, он ей обладает на уровне утробного нарциссического несварения, которое в

Тотальность философского дискурса проблема самоопределения современной философии.

ответе за появление вопроса и его усердное продвижение в аудиториях и иных местах публичных. Формализация каннибалистической трапезы ничего не привнесла к пониманию сущности философии, но стала провокацией пароксизма противоречия – ненужное объявлено сущностью Я, не обесценив Я, но нивелировав саму потребность.

Парадоксально, априоризм обывателя отказывает в необходимости быть тому, что его же, обывателя и характеризует (на его скромный взгляд). Но сам отказ онтологичен: как состоявшееся указание на небытие, он попадает в поле зрения феноменологического опыта. Такая очевидность отказа есть своего рода *опыт* сущего, погруженного в поток бытия. Но соотносим ли подобный феноменологический опыт с рефлексией над смыслом бытия? Переведем вопрос из риторической плоскости в прагматическую: «рефлектируя, я в каждый момент могу направлять к этой изначальной жизни особый внимательный взгляд, схватывать настоящее как настоящее, прошедшее как прошедшее, как оно есть само по себе». Так, по Э. Гуссерлю, «мир, познанный в опыте этой рефлектирующей жизни, сохраняется для меня и в дальнейшем и остается в опыте, как и прежде, со всем принадлежащим ему в тот или иной момент содержанием» [4. С. 75-76].

Но опыт отказа – *зачем мне то, чем я уже обладаю* – лишен прошлого, не задает будущего. Он кульминирует в точке настоящего, становящейся *точкой невозврата*.

Точка невозврата. Появляясь в аудитории, философ, самим фактом данности собственного Я, предопределяет фундаментальную провокацию обывателя, озвученную от лица повседневности – *зачем нам нужна философия*.

Профессия и призвание, судьба или выбор загнали философа в ту же точку невозврата, единую для чистого сознания обывателя и для его феноменолого-гносеологического опыта постижения книжной мудрости.

Веками философия претендовала на создание не умозрительного, спекулятивного описания бытия, а на подлинность картины мира, так сопричастной Бытию в целом, чтоб даже последний явившийся на свет обыватель убоился ее великой Истины и пал, ослепленный мудростью ее. С истинами философии, описывающими реальность, рождалось поколение за поколением, пока, в эпоху потребительства, не пришли надменные обыватели, заявившие о непригодности уже имеющихся у них истин.

Подвергнув опрощению язык, они заявили об абсолютном обладании. И как бы наивный философ не пытался льстить каннибалам-неофитам, опрощая идеи, переданные философской традицией, он обречен лишь на вечное возвращение в точку невозврата – ибо все сказанное оказывается хорошо известным.

Философ: – *Человек сам создает мир*¹.

Обыватель: – Знаем, кто ж, кроме нас...

Аутентичное изучение открыло бы новые смыслы, но в условиях отсутствия у обывателя познавательного опыта и его низкой вербальной культуры, министерского временного фрейма оно стало невозможным.

Судьба современной философии как академической дисциплины предопределена точкой невозврата, обращающей многовековую традицию науки в некий атомарный факт дорефлексивного Эго обывателя. Есть ли путь из точки невозврата? Точное описание пути

¹ Прим. автора: очень вольно – кантианская идея об априоризме познания.

назад создано [См. 3] – крушение Я и с ним мира, копирующего эту субъективность, где высшей милостью будет лишь знать время этого крушения.

Топонимия: пункт В. Что сделало Великую науку столь уязвимой? Самооправдание и желание быть ясными, понятными сделало философов предсказуемыми, а выстраданные истины стандартными, как ответы первокурсницы.

Чем настойчивее философ обращается к толпе с призывом *называть вещи своими именами*, тем меньше имен в расчете на скудную память обывателя он может предложить. Смыслы оказываются исчерпанными их понятностью.

Точку невозврата не миновать. Единственный путь – порождение новых смыслов, тогда, быть может, появятся слова, исключаящие пароксизм противоречий – *зачем нам нужна философия? Нужна? Нужна.*

P.S. Посвящаю это эссе своим студентам. Тем, кто его никогда не прочтет.

Список литературы

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
2. Бодрийяр Ж. Соблазн. М., 2000.
3. Грей А. Ланарк: Жизнь в четырех книгах. М., 2009.
4. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., СПб., 1998.